

СВЕТЛАНА НИКИФОРОВА

СОПОЛОЖЕНИЕ ИМЕННЫХ ОСНОВ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БАЗА КОМПОЗИТА СЛАВЯНО-РУССКОГО ТЕКСТА

Древнерусский текст <...> одномерен и прост, в нем преобладает информационный повод в простоте конструкции; его подтекст направлен одновременно и на конкретное основание, и на вечную истину.

В.В. Колесов

О композиции в словообразовании как об одной из наиболее характерных лексических особенностей церковно-книжных текстов Древней Руси сказано в науке немало. Появление таких образований в древнерусской языковой системе традиционно связывается с формированием литературного языка на ранних этапах его развития под активным влиянием старославянской лексической системы, где композиты в свою очередь появляются при калькировании (в широком понимании термина) сложных слов греческих оригиналов. Безусловно, переводческая деятельность древнерусских авторов также предполагала калькирование как один из наиболее частых способов передачи лексических элементов греческих источников. Мы рассматриваем так называемые славяно-русские композиты, рождающиеся в славянской языковой системе на разных стадиях ее развития.

Материалом для анализа стали композиты гимнографических текстов, в современной русистике признанных одними из самых древних переводных памятников, появившихся на Руси: Ильина книга (далее – Ил), памятник древнерусской письменности XI–XII вв. (рукопись РГАДА, Тип. 131) [Ильина, 2005] и Путятина Минея (далее – ПМ) XI в. (рукопись РНБ, Соф. 202) [Новгородская, 2003]. Славяно-русская гимнография чрезвычайно богата композитными образованиями: например, по сравнению с текстами Евангелия сложных слов в этих рукописях вдвое больше. Насыщенные характеризующими именами, гимнографические источники демонстрируют широкие возможности славянской системы в развитии яркого способа словообразования – основосложения.

Несмотря на широкий спектр научных работ по лексике древнейших памятников, где упоминаются композиты, глубокого анализа природы и функ-

ционирования композитных образований не проведено до сих пор. Учитывая безусловную и известную множественность подходов к анализу композиции, мы считаем продуктивным и корректным исследовать сложения как синтаксические структуры, занимающие промежуточное положение между высказыванием, синтагмой и словом, опираясь на тезис Э. Бенвениста о том, что «именное сложение – это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного словосочетания» [Бенвенист, 1998, 241].

Мы сделали попытку определить причины появления и закрепления в древнейшей славянской системе широкого ряда композитных (именных по преимуществу) образований, с одной стороны опираясь на справедливый тезис о синтаксической природе композиции, с другой – анализируя специфику семантики и функционирования таких единиц в славяно-русском тексте. На наш взгляд, относительная новизна (редкие сложения существовали и в дописьменный период) самого явления в славянской языковой системе (в отличие от греческой, когда факторы, обуславливающие и появление, и распространение сложений уже затемнены многовековой традицией их употребления) позволит увидеть причинно-следственные связи в развитии различных композитных моделей.

В структуре композита могут быть соотнесены основы трех типов: 1) именная+ именная – в таком случае мы говорим о соположении имен (1) и присвоении предмету или лицу наиболее яркого признака, выраженно-го как субстантивной, так и адъективной основами (*богосвѣтълыи, богомУорыи, благовЪриЕ, правовЪриЕ, богословъ, духозарьнь, зълѡумиЕ, дъждеросьнь, законоправдѣнь, свѣтозарьнь* и т.п.); 2) именная (субъектная) + глагольная – когда действие мыслится и вводится в композитной основе как присущее предмету или лицу (*богосътворень*); 3) именная (объектная) + глагольная – когда действию может подвергаться предмет или лицо (*жизнодавць, нищелюбць, добродѣтель, богохульникъ* и т.п.).

1. Особенности смысловых и, как следствие, синтагматических отношений в древнерусском предложении, на наш взгляд, ярко проявляются при анализе частотности типов смысловых отношений в композитах: так, высокая частотность единиц первого типа, с одной стороны, демонстрирует функциональную нагрузку композита как слова, способного отразить предметность и признаковость в пределах одной лексической единицы, с другой стороны, представляет важную прагматическую задачу древнейшего религиозного текста – репрезентировать максимально дискретно новую картину мира, выявить и номинировать сущностные признаки фрагмента действительности или смежность разных фрагментов.

Анализируя аналогичный тип отношений, Э. Бенвенист в основе композита предлагает видеть «синтаксические конструкции с их разновидностями предикации» [Бенвенист 1998, 254], например, предикативные структуры типа «x есть y-а», где y – «не самостоятельный предикат, требующий дополнительного аргумента, без которого он неполон» [Там же, 245], или

так называемые бахуврихи, восходящие к аналитическому предложению о потенциальном или актуальном носителе атрибута. Принципиально различая синтагму как свободное сочетание, не имеющее логического ограничения по образованию, и базу композита как сочетание необходимое, автор указывает на функцию композита соотносить в структуре «относительные термины, требующие дополнительных терминов», и расширять, благодаря логическому соотношению разноклассовых единиц, объем понятия [Там же, 246]. Функциональная значимость композитов при таком подходе – «транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением в виртуальное» [Там же, 255], а результатом трансформации становится сложное имя описательного характера, способное стать научным наименованием и поэтическим эпитетом [Там же, 256]. При этом «функцию сложного имени можно определить так: транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением в виртуальное» [Там же, 255], ...употреблять целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения» [Там же, 256] (2).

Механизм и результат описанной Э. Бенвенистом трансформации представляется прозрачным, однако остается не до конца ясной причина самой трансформации, когда предикация становится «латентной», имплицитной и такие единицы получают широкое распространение на определенных этапах развития языка – от древнейшего периода, когда употребление их жанрово обусловлено, в частности в древнерусском языке, через стиль «плетения словес» до Нового времени, где, кстати говоря, причина активизации этого типа единиц очевидна – это развитие терминологии на греко-латинской основе и системы стихосложения под греко-латинским влиянием.

Для славянской языковой системы такие композиты, будучи единицами на первый взгляд чужеродными, заимствованными (как в культурно-этническом плане, так и по структуре), на этапе вхождения в язык тем не менее отвечают требованиям паратаксической структуры высказывания, когда равновесны отношения элементов фразы, характеризующейся полицентризмом, или ацентризмом (об этом см. [Тарланов 1999, 93]), что, вероятно, и объясняет их закрепление и активность в ранних памятниках письменности. На этапе ментализации, расширения объема понятия, господства метонимии «простое соположение соотносящихся элементов» [Ахманова 2005, 311] (безусловно, не без словообразовательного фактора, однако далеко не определяющего при вариативности и неспециализированности аффиксов) в структуре композита становится вполне органичным и плодотворным средством выражения сложнейших новых понятий.

2. Итак, первый из выделенных нами типов отношений в структуре композита демонстрирует известную конструкцию соположения имен (3), когда одно из них атрибутирует другое по существенному, актуальному признаку: *Бог – свѣтъ, Бог – мудрыи, благо – въра* (4), *Бог – слово, дух – заря* (= свет), *зъло – оумь* (не *разоумь* (!) божественный: ср. строгое распределение основ

за композитами – *злооумиЕ*, *богоразоумиЕ*) и т.д. В этом аспекте представляется интересным анализ композитов с начальным *бого-*, в которых атрибуции Бога призваны охарактеризовать его сущность и установить систему отношений фрагментов мира: такое соположение имен расширяет объем понятия, увеличивая число представлений о фрагментах (здесь – о Боге), об их связи, об их признаках (5).

Так, в ПМ и Ил находим широкий ряд композитов с начальным *бого-*, ярко демонстрирующих атрибуцию сущности Бога в концепции мира славянина-неофита: 1) при определении статуса элементов вероучения по отношению к Богу (*богодоушьнѣ* – *доуша*, *богодѣхновенѣ* – *доухъ*, *богоотъчьскѣ* – *отъчь*, *богоначалиЕ* – *начало*, *богословесиЕ* – *слово*) → Бог есть душа, дух, отец, начало, слово; 2) при указании на тип деятельности (*богооучении* – *оучениЕ*, *богомУдрѣ* – *мУдрыи*, *богомысльнѣ* – *мысль*, *богоразоумиЕ* – *разоумѣ*, *богоблагодѣтныи* – *благодѣть (дѣяти)*, *богольпыи* – *льпыи*, *богочѣстиЕ* – *чѣсть*) → Бог есть учитель, единственный дающий мудрость (мысль, разум), деятель блага, целью и признаком деятельности которого является польза верующему, а результатом деятельности – честь; 3) при качественной характеристике (*богозарьнѣ* – *заря (свѣтъ)*, *богосвѣтъль* – *свѣтъ*, *богорадованѣ* – *радость*, *богомУжьно* – *мУжьскыи*, *мУжьственѣ*, *богоблагодѣтныи* – *благодѣть (благо)*, *боголюбы* – *любы*) → Бог есть свет, радость, мужество, благо, любовь (6).

Вероятно, прав А.А. Потебня, утверждающий возможную неясность представлений образа при апперцепции. Такая неясность тем более естественна, когда речь идет об усвоении нового знания, номинации которого базируются на уже существующих образах. Механизм восприятия в этом случае предполагает необходимость указания на актуальные признаки именуемого, а «вполне ясны представления, коих части мыслимы все и притом с полной определенностью взаимных отношений <...> [Потебня 1993, 87]. И специфика номинации признака в нашем случае очевидна: это признак, основанный на соположении, когда «разнородные восприятия, данные одновременно или один за другим, не уничтожают взаимно своей самостоятельности <...>, а, оставаясь самими собой, слагаются в одно целое» [Там же, 91]. Композит и представляется нам оптимальным средством, с одной стороны, соотнесения представлений для рождения нового представления, с другой – для их слияния, которое есть источник движения смысла, а структурная спаянность элементов слова становится указанием на неразрывность таких смысловых связей, их константный характер (7).

Смеем утверждать, что приведенное по А.А. Потебне определение ассоциации может быть применено не только к собственно ассоциации как когнитивному процессу – основе метафоры, но и к любому соотнесению представлений, в частности к пространственно-временному соположению – основе метонимии. На ранних стадиях освоения славянином греческих метафорических моделей они, вероятно, осознаются как метонимические, когда сопряжение элементов картины мира в пространственно-временном поле

призвано демонстрировать отношения фрагментов, их связь, взаимозависимость и / или, как в случаях, проанализированных нами, равновеликость, присущую атрибуции. Позволим себе соотнесение такого типа атрибуции с плеонастичностью отношений, когда существенные признаки, определяемые на уровне сопряжения фрагментов картины мира и присваиваемые каждому из членов пары соответственно, при константности таких отношений в языковом сознании (например, *Бог есть любовь, любовь от Бога*) в некотором роде повторяют смысловое содержание друг друга (8).

3. Интересной представляется при таком подходе трактовка вариативности элементов композита: в процессе его рождения идет поиск признака (или действия), наиболее точно отражающего сущность явления и демонстрирующего соотношение фрагментов языковой картины мира, смысловые, понятийные составляющие которой взаимосвязаны. Такую связь демонстрирует, например, пара *богозаконьнъ – боголюбень* в Ил (греч. *θεσπεσιος* 'божественный') в контекстах *ТвоЕ евангелиЕ лУко бгозаконьне. вѣстокъ съвыше. и просвъщъ чловѣкы прѣдставиЕ 24v, црь двѣдъ. прркъ болюбень явисА. бжиЕ въплъщениЕ 95v*: Бог, закон и любовь – понятия не просто близкие, их смысловые связи могут рассматриваться как отношения включения, когда наиболее общее представление о Боге требует экспликации подсмыслов, созначений, компонентов, составляющих объем понятия (9).

Сопряженность (тождественность) представлений о любви и Боге находим, например, в следующих контекстах Ил: *НосА оучительноу кротъкУУ мУдрость. и сУщеЕ любѣве. бжиЕ твора съмѣрениЕ 89v, ПривАзасА любѣвию ты павлѣ. бгогласне лУко въщателю. и врѣста всечьстьна явисА. га хвалите 26г*; и ПМ: *Любы твоя бжствьная исплньнисА феОдоре 68, яко исплнь сиы любѣве. исплнь бысть. и правовѣрия. славѣ и чьсти и вѣрѣ полагаЕтель бысть 38* и т.п.

Тогда Бог есть и закон, и любовь, однако закон и любовь также есть Бог. Любопытно и сравнение словарных толкований греческого *θεσπεσιος* 'божественный' и славянских *боголюбень* 'любящий Бога, угодный Богу' и *богозаконьнъ* 'следующий Божиим наставлениям, закону Бажиему': предельно обобщенная семантика слова при глубокой разработанности понятия в греческом языке в славянском отражена путем расширения объема понятия – на языковом уровне введением в структуру композита аппозитивных элементов *закон(ъ)* и *люб(-ъвь, -ити)* (10).

Надо сказать, что сопоставление подобного рода может быть проведено и на примере других типов композитов. Так, показательным представляется параллелизм образований типа *богоносъць – свѣтоносъць*, когда взаимомена *Бог ↔ свѣтъ* в структуре сложного слова эксплицирует смысловую взаимобусловленность фрагментов христианской картины мира, в которой все замыкается на представлении о Божественном (11).

Ср. контексты Ил и ПМ, в которых характеристиками святого (святых) в сходных по смыслу высказываниях становятся эти сложные субстантивы: *тебѣ же бгоносъче пицю даяше англъ 2v, тѣлесныА страсти исУшаЕта.*

и недУгы оуврачюЕта. и прогнита бѣсьныа дхы. бгоносыца безмьздьника. млтвьника о дшахъ нашихъ 36v и ПМ хладъ стрпци приясте. въ небесныхъ жилищихъ. въ нихъже свѣтоносыци ликъствоУще и насъ помАнѣте 86об.

4. Соположение номинирующих фрагменты действительности имен в пределах композита представляет собой сконденсированное суждение и может быть развернуто в высказывание. При этом 1) отсутствие связочного элемента в композите показательно: так определяется вневременной и внемодальный характер отношений между именами. Если принять положение грамматической теории А.А. Потебни о немыслимости в исторический период предложения без *verbum finitum* с его предикативными характеристиками, то композиты становятся оптимальным средством выражения соположения имен в пределах термина вне предикативных отношений для номинации понятийно важных констант.

Рассматриваемое смысловое соотношение основ может быть также сопоставлено функционально с различиями, указанными А.А. Потебней для атрибутивного сочетания и предложения с составным сказуемым, когда в сочетаниях типа «перевозчик Кий», «белый снег» отмечается «полное отсутствие энергии определяемого» («Кий перевозил») и «простое сказуемое изображает возникновение признака наглядно» (у нас композиты с субъектно-глагольной валентностью типа *богосътворень* и *богодвижимыи*), «обогащая его новым содержанием», а при составном сказуемом «признак производится деятельностью подлежащего», «признак представляется данным результатом [разрядка наша. – С.Н.] деятельности подлежащего» («он пастух», «он певец») и отражает «обобщение прошедших актов мысли» [Потебня 1958, 112] (у нас композиты с именными основами в аппозиции типа *богосвѣтьль*, *богодоушьнь*). Вероятно, высокая частотность, актуальность композитов с именными основами может быть обусловлена обобщающим характером безглагольного сочетания, обозначающего отношения вневременные, ненаглядные, несиюминутные и определяемого изоморфизмом языковой системы в целом: соположение основ имен *Бог – свѣть* (как и *свѣть – Бог* при аппозиции, а не атрибуции в узком смысле слова) в *богосвѣтьль* указывает на «обобщение прошедших актов мысли» (12) в противовес отношениям типа *Бог – сътворити*, *Бог – движити* (*богосътворень*, *богодвижимыи*), которые наиболее органично выражаются в предикативно-именных структурах, актах, обогащающих мысль новым наглядным содержанием.

5. Для нас представляется принципиально важным «выражение отношения содержания высказываемого к действительности» [Ахманова 2005, 346], на основе которого (вне эксплицированного предложения) и строится композит (13).

В.В. Колесов, описывая особенности структуры древнеславянского предложения, говорит о специфике древнейшего текста в целом, отражающейся во всех его категориях: об определенности, предикативности, валентности и модальности [Колесов 2005, 632-636]. На наш взгляд, основные принципы построения древнейшего текста являются общими для единиц всех

уровней: указанные свойства текста проявляются в структуре и семантике каждой его составляющей (напомним, что древнейший текст можно определить как дедуктивный по природе). А значит, если эксплицированное в древнерусском предложении высказывание обладает предикативностью, где «только категория времени обслуживала предикативность как основной признак изъявительного наклонения. Древнерусские предложения в основном простые, они лаконично излагают реальные события, привязывая их к определенному месту и времени и к определенному действующему лицу» [Там же, 634], то композитные образования, сопологающие изначально именными (или отыменными) единицы вне их соотношения с глаголом (основным способом формирования синтаксической структуры высказывания), представляют собой особый способ построения / отражения суждения вне отношения к глагольным категориям (времени, лица и т.д.), способ отражения суждения-константы реально мыслимого идеального мира.

Вопрос о сути предикативности остается в современной русистике открытым: соотношение логического и собственно лингвистического в этом понятии определяется учеными по-разному. Так, нами принято положение о логической предикативности, под которой понимается «отнесение признаков (предикатов мысли) к предметам (субъектам мысли)» [Алефиренко 2005, 261], при этом корректным представляется термин-пароним – предикатность, т.е. «способность высказывания [здесь композитной структуры. – С.Н.] устанавливать и выражать связь между внеязыковыми ситуациями, отраженными в нашем сознании, и языковыми структурами, ...«выражение средствами языка логической структуры, отражающей конкретную ситуацию – фрагмент действительности или мыслимого мира»» [Шведова, цит. по Алефиренко 2005, 265]. Предикатные отношения могут быть выражены различными языковыми средствами, как собственно синтаксическими, так и лексическими, в частности словами сложной логической и композиционной структуры.

Если «отсутствие» глагола [в предложении. – С.Н.] есть знак его особой важности, например, при указании на вечное событие (некоторые тексты Евангелия)... , наводка на рассуждение» [Колесов 2005, 634], то в структуре композита этот способ актуализации «вечности» смысла представлен в чистом виде в пределах одной лексической единицы специфической формы, «наводящей на рассуждение» и утверждающей непререкаемую истину.

Безусловно, «вечность» номинированных фрагментов действительности оказывается характерна для сферы религии (здесь – православия), когда каждое из понятий есть такой элемент мировоззрения, который не просто не подвергается сомнению, а сам факт мнения по отношению к нему не применим, невозможен. Текст, репрезентирующий и утверждающий новую картину мира, отражает и новый тип дискурса, все элементы которого подчинены единым принципам функционирования: в частности, экспликации на разных уровнях вневременного характера номинируемого лица, предмета, явления, события и т.д. (14).

Таким образом, в древнейшем предложении, с одной стороны, отражаются категории, свойственные и современному высказыванию (формы и способы отражения категорий, безусловно, не совпадают), с другой – важнейшей представляется категория содержательной / смысловой константы истинности: в предложении констатируется, определяется нечто безоговорочно принимаемое (15): такая конструкция (здесь – композиция) обладает высшей степенью объективирования содержания слова, «объективирующей потенцией», «синкретично-объективирующим» отношением составляющих.

Близость такой категории к модальности («отношение говорящего к связи между содержанием высказывания и действительностью: объективная модальность реальности противопоставлена модальностям желательности, возможности и необходимости») [Колесов 2005, 634]), с одной стороны, и этапная актуальность такой категории, связанная с периодом установления христианского мировоззрения, с другой, обуславливают ее неустойчивость в системе и трансформацию в будущем: в период XIV-XV веков стиль «плетения словес» принимает композиты и развивает композитную структуру имени уже в связи с идеацией – разработкой объема понятия, когда сложность смысла и структуры позволяет отражать новые связи вербальных знаков; в Новое время композитная структура позволяет соотносить уже разработанные понятийные единицы в пределах одного знака для максимально полного отражения сути явления (в сфере науки по большей части). Таким образом, категория «истинности» становится толчком для активного развития безглагольных имплицитно предикативных словесных знаков, которые и стали основным и оптимальным средством ее отражения в высказывании определенного типа дискурса (16). Так, в сфере религиозного знания, где «вечность» номинированных фрагментов действительности априорна, двусосновность лексических единиц оказалась востребованным и активным способом маркированности терминологии.

Примечания

1. Термин «соположение» близок термину «аппозиция», однако, на наш взгляд, в большей степени применим к древним отношениям элементов в высказывании, где нередко трудно определима как смысловая, так и грамматическая иерархия имен.
2. Оставляя в стороне частные вопросы частеречного или смыслового соотношения основ композита, мы анализируем исключительно генезис композитного образования, в основе которого лежит некое суждение (будь это тождество двандва, необходимое соположение терминов или бахуврихи).
3. О смысловой (когнитивной) и собственно языковой природе соположения имен писал А.А. Потебня: «Существительное, как атрибут, вносит в мысль черту своей прежней самостоятельности, которая сказывается возможностью несогласования с определяемым в роде и числе... постоянный атрибут так сживается с своим определяемым, что образует вместе с ним одно слово» [Потебня 1958, 105]. Вероятно, термин «атрибут»

- здесь следует понимать в широком смысле, вне противопоставления аппозиции. Для нас же важно, что «приложение не происходит от зависимого предложения и не есть такое предложение, а имеет функцию, среднюю между собственным определением и определенным предложением с глагольным сказуемым» [Там же, 110], что, безусловно, близко представлению о психологическом (не грамматическом) суждении.
4. В анализируемых нами текстах *вѣра* – исключительно 'христианское вероучение, православие': так, например, в рукописях нет композитов *зѣловѣриЕ*, *зѣловѣрныи*, где *вѣра* получала бы негативную атрибуцию, но *нечѣстивыи* и т.п., *невѣрствиЕ*, *невѣрныи*, где безбожие понимается как отсутствие *вѣры*. Здесь *вѣра* не может быть обладать иным сущностным признаком – она может быть только благая.
 5. Напомним, что «признак есть атрибут, посредством коего инстинктивное самосознание понимает чувственный образ как единицу и представляет себе этот образ. Как ум наш не постигает предмета в его сущности, так и язык не имеет собственных, первоначальных существительных и как сочетание признаков принимается нами за самый предмет, так и в языке есть только название признаков» [Штейнталь, цит. по Потебня 1993, 103]]. Однако не всякое существительное репрезентирует признак явно: так, например, «существительное конкретное есть такое название определенного вместителя или вместителя признаков, которое не дает возможности определить, какой из этих признаков ближе к сознанию. Здесь нас оставляет возможность сравнения с предложением, ибо в этих существительных никакого подобия сказуемого не дано» [Потебня 1958, 98]. И именно здесь, на наш взгляд, оказывается востребован композит как минимальное (по сравнению со словосочетанием) и достаточное, а значит, оптимальное средство характеристики субстанции.
 6. Безусловно, такую типизацию не следует считать единственно возможной уже потому, что налицо скрещивания типа *польза* и *благо*, *честь* и *мужество*, *отец* и *мудрость* и т.д.
 7. Ср. высказывание Э. Бенвениста о именных предложениях, близость к которым демонстрируют композиты рассматриваемого типа: «Именная фраза имеет целью убедить высказыванием «общей истины»; она предполагает речь и диалог: она сообщает не факт, в некоторое вневременное и постоянное отношение, которое выступает как убедительный аргумент» [Бенвенист 1998, 178].
 8. В свою очередь напомним, что А.А. Потебня иные (типа *свѣтъ свѣтаеть*)), однако, на наш взгляд, близкие языковые связи определял как тавтологию, «но не в строгом смысле, т.е. не повторение того же акта мысли и речи, а разложение восприятия на сходные по содержанию элементы, из коих один представлен субстанциею, а другой ее деятельностью: это попытка объяснения явления» [подчеркнуто нами. – С.Н.] [Потебня 1968, 330]. Такую функциональную нагрузку мы склонны видеть и в композитных образованиях анализируемого типа.
 9. Так, *законъ* как 'свод нравственных и обрядовых правил какого-л. религиозного учения' [Словарь, 3-318] в ранних славяно-русских гимнографических текстах (известна жанровая приуроченность лексико-грамматических средств в древнерусской языковой системе), безусловно, соотносим с Богом, с христианством: например, в Ил – *законъ очь* [еще одно указание на безусловность связи Бог – закон. – С.Н.] *тА яко молителА истинъ показа 144у, Законъ кромБ члвчъ тА чадо родихъ. то како безаконьни въздвигоша тА на дрѣво. посредБ безаконьноУ. Единого закона жизни написающаго бца плачуущи глаше 9г; и радъ прия ха. изла бжиЕ оутѣиениЕ. законУ творьца и влдкУ 120г; в ПМ – законъ писменьныи. оучитель тебБ бысть. въ ха ЕлифаниЕ 55, за чьстьноуУ вѣроу кръвь своУ пролия. законъ коньчавъ. прорицавъ ба въплъчьша 69об. всь приложисА ты влцБ. Егоже законъ чьстьнь. невѣрдимъ ты съблюде. законьныя закону наоучАя аплЕ 107.*
 10. Ср. также толкование в словарных материалах композита *благобоязнь* – 'Почитаю-

- щий **Бога** [выделено нами. – С.Н.], набожный, благочестивый' [Словарь, 1-168], иллюстрирующее смежность (или тождественность) понятий «*благо*» – «*Бог*» в новой концепции мироустройства в отличие от языческой, где не только существуют боги верхнего и нижнего мира, но и нет собственно этической категории «*благо*» (а также *благоволеннЕ* – 'расположение, любовь, милость, благосклонность (**бога**)' [Там же, 170]; ср. переводы с греч. *θεοπροτής* – слав. *благолепныи, θεοφιλεια* – *благлюбие, φιλόθεοις* – *благлюбящии* и т.п. [Там же, 1-188-189]).
11. О символике света в древнем языковом сознании читаем: «Светоносной, солнечной природой, по народно-христианским воззрениям, обладают Бог-Отец и Иисус Христос, Богородица, ангелы и святые. ...В духовных стихах эпитет «светлый» вообще сближается со «святой»: светоносность рассматривается как проявление святости (ср. нимб в иконописи). Солнечный свет изливается на человека как Божья благодать» [Славянская, 2002, 424]. В древнерусских памятниках письменности находим также многочисленные примеры сопряжения и даже равенства понятий «бог» и «свет»: *и видѣ бѣ свѣтъ якѠ добро* Хроногр. XV, *свѣтѡве вѣтории разумѣни чини От прѣваго и безначатѣчнаго (sic!) всѣмъ свѣта освѣщенъя имуще* Ю. экз. Бог. 109; *испѣльнишася свѣта бжствнаго тобою* Мин. 1096, *всАкѣ дарѣ свершенъ съвыше Есть съходАи От тебе Оца свѣтомъ* Служ. Варл XII и т.д.
 12. Однако, справедливости ради, укажем, что, хотя «предложение, не включающее в себя глагольной формы, «легче» и «быстрее» адаптируется для представления «общих истин», «в известных синтаксических условиях (или в результате их нейтрализации) содержание почти всякого типа предложения может обобщаться» [Тарланов 1999, 158].
 13. Вопрос о сути предикативности остается в современной русистике открытым: соотношение логического и собственно лингвистического в этом понятии определяется учеными по-разному. Так, нами принято положение о логической предикативности, под которой понимается «отнесение признаков (предикатов мысли) к предметам (субъектам мысли)» [Алефиренко 2005, 261], при этом корректным представляется термин-пароним – предикатность, т.е. «способность высказывания [здесь композитной структуры. – С.Н.] устанавливать и выражать связь между внеязыковыми ситуациями, отраженными в нашем сознании, и языковыми структурами, ...«выражение средствами языка логической структуры, отражающей конкретную ситуацию – фрагмент действительности или мыслимого мира»» [Шведова, цит. по Алефиренко 2005, 265]. Предикатные отношения могут быть выражены различными языковыми средствами, как собственно синтаксическими, так и лексическими, в частности словами сложной логической и композиционной структуры.
 14. Описание как лексической, так и грамматической системы церковно-книжного текста в работах русистов, на наш взгляд, позволяет интерпретировать специфику принципов его построения (здесь – вне деления на жанры) так же: маркированность лексики, морфологии, синтаксиса религиозного текста «работает» на особое его восприятие, на экспликацию вневременного характера всего, что связано со сферой сакрального, на отторжение от сферы мирского – временного и временн'ого.
 15. Надо сказать, что такое определение абсолютной истинности, вневременного и внесубъективного характера как текста в целом, так и его единиц, представляется скорее определением категории логической, нежели собственно лингвистической. Однако, на наш взгляд, видеть за маркированными единицами церковно-книжного текста исключительно стремление автора / переводчика / переписчика отграничить такой тип текста от других текстов недостаточно: при очевидной сложности мировоззренческой ситуации при «внедрении» христианства целеполагание лишь стилистическое невозможно, потому что новый текст призван сконструировать новый тип мироотношения, а так называемые стилистические особенности лишь средство и следствие коммуникативного замысла в религиозном тексте, стратегия которого определяет языковое наполнение и должна приниматься во внимание исследователем в первую очередь.

16. Представляется возможным соотнести наш тезис и с различными типами презентации термина в древнерусской книжности. Так, Е.М. Верещагин, описывая характерные черты символа и веры и огласительного слова, отмечает: «...в огласительном слове сообщаются [здесь и далее в цитате разрядка автора. – С.Н.] новые для слушателя или читателя сведения, а в символе или в изложении веры определенные догматы лишь упоминаются, хотя и в недвусмысленных контекстах. Огласительным словом у непосвященного формируется христианское знание о вере, тогда как чтением символа веры христианин свидетельствует о том, что его знание – истинное, православное» [Верещагин 1996, 69]. В таком случае гимнографический дискурс в целом и его элементы в частности также «свидетельствуют» о истинности православного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф.: *Спорные проблемы семантики*: Монография. М.: Гнозис, 2005.
 АХМАНОВА, О.С.: *Словарь лингвистических терминов*. М.: КомКнига, 2005.
 БЕНВЕНИСТ, Э.: *Общая лингвистика*. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
 ВЕРЕЩАГИН, Е.М.: *Христианская книжность Древней Руси*. М.: Наука, 1996.
Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М.: Индрик, 2005.
 КОЛЕСОВ, В.В. *История русского языка*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
Новгородская служебная минея на май (Путьятина Минея). XI век: Текст, исследования, указатели. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003.
 ПОТЕБНЯ, А.А.: *Из записок по русской грамматике*. М.: Просвещение, 1958.
 ПОТЕБНЯ, А.А.: *Из записок по русской грамматике*. Т. III: Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968.
 ПОТЕБНЯ, А.А.: *Мысль и язык*. Киев: СИНТО, 1993.
Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002.
Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). М.: Рус. яз., 1988–2000.
 ТАРЛАНОВ, З.К.: *Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии*. Петрозаводск, 1999.

NOMINAL BASES AS WORD-FORMATION BASE OF THE COMPOSITEIN SLAVONIC MANUSCRIPTS

Article is devoted the analysis of semantic relations between nominal bases in composit structure on a material of Old Russian Hymns (the XI-XII centuries); the author puts forward a hypothesis about genesis and the reasons for activization of composites in ancient and medieval Slavonic and Russian texts, considering isomorphism and syncretism of language units during the early historical period.

S. Nikiforova
 Ústav slavistiky FF MU
 Arna Nováka 1
 602 00 Brno
 e-mail: snikif@seznam.cz

